

Н.М. Байков
**НАРКОСИТУАЦИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ:
ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ**

БАЙКОВ Николай Михайлович — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Дальневосточного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск). E-mail: npro@dvags.ru

Современная наркоситуация в России продолжает оставаться крайне тяжелой и оценивается как одна из основных угроз безопасности личности, общества и государства. Количество зарегистрированных потребителей наркотиков, согласно официальным данным, составило 655 005 человек (457,86 на 100 тыс. населения) на 1 января 2012 г. Диагноз «наркомания» поставлен 445 723 лицам (311,57 на 100 тыс. населения). Однако по экспертным оценкам число наркопотребителей превышает 2,5 млн чел., что близко к критической ситуации.[1]

Наркоситуация в Дальневосточных регионах России в последние годы характеризуется стабильно высокими уровнями наркопреступности и наркозаболеваемости, которые значительно превышают средние российские показатели. Из общего числа лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, 98,6% лиц являются гражданами Российской Федерации; из них 50,9% ранее совершали преступления, в том числе 8,3% совершали преступления непосредственно в сфере незаконного оборота наркотиков. Возраст большинства преступников (80%) составляет 18-39 лет. По своему социальному статусу две трети преступников (64,6%) не имеют постоянного источника доходов; 2,6% — безработные; 3,3% — учащиеся или студенты.[2]

Распространению наркомании в Дальневосточном федеральном округе способствует естественное произрастание дикорастущей конопли и ее незаконное культивирование. Простота приготовления, относительная доступность растительного наркосырья, способствуют его широкому распространению в незаконном обороте. Так, удельный вес наркотических средств каннабисной группы, от общего объема изъятых из незаконного оборота наркотиков, остается стабильно высоким. Одними из регионов России с наиболее высоким уровнем наркопреступности и заболеваемости наркоманией является Хабаровский край, где в 2012 г. уровень наркопреступности в расчете на 100 тысяч населения в крае на 5,9% превышал общероссийский показатель.

Высокий уровень распространения и потребления наркотических средств и психотропных веществ на территории Хабаровского края подтверждается данными социологического исследования, проведенного в режиме мониторинга наркоситуации по итогам 2012 г. [3]. Проблема наркомании, вкупе с потреблением алкоголя и курением, занимает одну из лидирующих позиций среди тревог различных возрастных и

профессиональных групп населения. Она уступает, пожалуй, только беспокойству граждан из-за постоянного роста цен на товары (услуги) и опасениям потерять работу, стать безработными. Проблему наркомании признали острой и требующей первоочередного решения более трети опрошенных жителей Хабаровского края (38,3%). Тем не менее, подавляющее большинство опрошенных жителей (70,7%) считают, что в их населенном пункте наркомания распространена не больше, чем везде. При таком толерантном отношении только каждый пятый житель (20,2%) считает, что она очень распространена и лишь 5,1% ее совсем не отмечают ее распространение.

Основные причины распространения наркомании респонденты видят в незанятости молодежи, моральной деградации населения, его социальном неблагополучии, а также влиянии наркобизнеса. В целом эти мнения коррелируют с рейтингом острых социальных проблем жителей дальневосточного региона. Одним из индикаторов распространенности наркомании является степень доступности наркотиков. Только один из десяти опрошенных считает, что достать наркотики трудно, либо очень трудно. Каждый второй опрошенный (55,6%) уверен, что достать их сравнительно легко, а еще четверть — считают их добычу очень легкой (26,9%). Проще всего, по мнению опрошенных, приобрести наркотики в ночных клубах, на дискотеках и так называемых «квартирах».

О распространенности наркотиков свидетельствует тот факт, что почти треть опрошенных лично знакомы с людьми, употребляющими наркотики или знают много таких граждан. С этим хорошо согласуются ответы на вопрос: «Предлагали ли вам когда-либо попробовать наркотики?». Утвердительно на него ответили более трети опрошенных жителей края (38,5%). Результаты социологического мониторинга свидетельствуют о достаточно широком распространении немедицинского употребления наркотиков в дальневосточном Приамурье. Так, специализированными наркологическими учреждениями Хабаровского края в 2011 году было зарегистрировано 27954 больных наркологическими расстройствами (в 2010 г. — 29261). В число указанных лиц входят, как больные с диагнозом «наркомания», так и страдающие другими наркологическими заболеваниями (алкоголизм, токсикомания и т.д.).

В общей структуре заболеваемости населения Хабаровского края доля лиц с диагнозом «наркомания» в 2011 году сохранилась на уровне 2010 года и составила 12,7%. В общей структуре лиц, состоящих на учете в органах здравоохранения с этим заболеванием, удельный вес впервые обратившихся за медицинской помощью возрос до 5,0% (в 2010 г. — 3,9%). В 99,4% случаев первичные наркоманы зарегистрированы среди взрослых и только в одном случае среди несовершеннолетних. Общее количество лиц, поставленных на учет с впервые в жизни установленным диагнозом «наркомания», увеличилось на 23,6% к уровню 2011 г. (178).

В возрастной характеристике общей заболеваемости наркоманией три четверти лиц (75,7%) составляют лица в возрасте от 20 до 39 лет (в 2010 г. — 76,6%), каждый четвертый (23,7%) лица в возрасте от 40 до 59 лет (в 2010 г. — 22,8%). В 2011 году зарегистрировано 3 подростка (в 2010 г. — 5) и 7 человек (в 2010 г. — 4) в возрасте от 18 до 19 лет. Большая часть острых отравлений, в том числе повлекших смертельные исходы, произошли в результате употребления опийных видов наркотических средств. [4]

Таким образом, анализ основных показателей оценки развития наркоситуации в дальневосточном регионе позволяет объективно оценить ее как стабильно тревожную, но с достаточно высокими уровнями предложения наркотиков на рынке их нелегального оборота и спроса на них среди различных слоев населения. Анализ результатов борьбы с

незаконным оборотом наркотиков на территории дальневосточного региона свидетельствует о необходимости внедрения системного подхода и программно-целевых методов в профилактической работе.

Литература:

- 1 Аналитические материалы. Информационно-аналитическая справка «О наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за январь-март 2012 года» // Электронный ресурс: режим доступа <http://fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>
- 2 Информационная справка о состоянии наркоситуации в ДФО в 2011 году и прогнозах ее развития. 2 мая 2012 г. Электронный ресурс: режим доступа <http://www.dfo.fskn.gov.ru/analitika/1109-03052012.html>
- 3 Социологический опрос населения Хабаровского края по проблемам наркомании. Выборочная совокупность репрезентирует основные социально-демографические характеристики населения в городских и сельских поселениях. 2012 г. n=1800. Научный руководитель — д.с.н., профессор НМ. Байков.
- 4 Аналитический обзор о результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков на территории Хабаровского края за 2012 год // Аналитическое отделение РИАО РУФСКН России по Хабаровскому краю. 2012.

Т.И. Кандаурова У ИНВАЛИДНОСТИ В РОССИИ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

КАНДАУРОВА Татьяна Ивановна — кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: volga1960@list.ru

Динамика инвалидности в России выявляет, что основным звеном в сохранении и восстановлении позитивного социального статуса женщины-инвалида является комплексная реабилитация учитывающая гендерный аспект, целью которой является восстановление социального статуса женщины, достижение ею материальной независимости, ее социальная адаптация, устранение или компенсация ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма.

В структуре населения России согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года женщин больше чем мужчин. Всего в нашей стране сейчас проживает 66,2 млн мужчин и 76,7 млн женщин. Превышение составило 10,5 млн человек (в 2002 г. — 10 млн человек).

Исключительная роль женщин в Российском обществе, обусловлена не только доминированием в численности, но и потенциалом в решении проблем народонаселения, специфичностью функций деторождения, доминирующей ролью в воспитании детей, поддержании и сохранении домашнего очага, а также в полноценном участии в общественной и хозяйственной жизни государства.

В Москве более 1,3 млн человек — инвалиды. Соотношения мужчин и женщин среди всего населения, “всех инвалидов” и инвалидов труда имеют значительные различия. Больше всего доля женщин среди населения. В Москве женщины составляют 56% населения. Среди инвалидов — их меньше — 46%, а среди инвалидов труда (вследствие профессиональных заболеваний и производственных травм) — 26%.

Начиная с 1998 г. в столице реализуются комплексные программы в отношении повышения качества и уровня жизни инвалидов, что позитивно влияет на образ жизни, в том числе и женщин инвалидов. В 2001 г. был принят Закон города Москвы № 3 «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры города Москвы». Равные возможности — это не просто безбарьерная среда обитания, доступность общественных учреждений, это «универсальный дизайн», который означает дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванный сделать их максимально пригодными к пользованию всех людей не исключает специальных устройств для конкретных групп инвалидов, где это необходимо.

В последующие годы принималось ряд документов в развитие этого Закона. Женщины-инвалиды в Москве по-прежнему находятся в гораздо более уязвимом положении, чем мужчины: они подвергаются дискриминации в доступе к рабочим местам, при найме, при неравном оплате за труд равной ценности. Кроме того, сокращается их доля в быстро развивающихся, высокооплачиваемых секторах, растет профессиональная и отраслевая сегрегация.

При сравнении показателей первичной инвалидности мужского и женского населения в городе Москве выявляется более высокий уровень у мужчин по сравнению с женщинами и в трудоспособном, и в пенсионном возрасте. Однако у мужчин за последние

три года величина показателя во всех возрастных группах снижается, а у женщин регистрируется рост первичной инвалидности в трудоспособном возрасте (на 6,1%). Наибольший удельный вес среди всех причин первичной инвалидности имеют: болезни органов кровообращения у женщин 45-54 лет, мужчин 50-59 лет, последствия травм, отравлений и других внешних воздействий внешних причин у женщин до 44 лет, мужчин до 49 лет (18,0%), злокачественные новообразования у женщин 45-54 лет, у мужчин 50-59 лет (17,0%). В 1995 году женщин в структуре инвалидности было меньше, чем мужчин, в 2010 году – женщины существенно преобладали. В 2010 году стало больше женщин тяжелых групп инвалидности. Для женщин-инвалидов были характерны заболевания органов кровообращения, злокачественные новообразования, для мужчин – туберкулез, нервные, психические болезни, заболевания органов дыхания, пищеварения, травмы. Особое место в структуре женской инвалидности занимают производственные травмы. Низкая доля женщин среди инвалидов труда объясняется главным образом различиями занятости мужчин и женщин во вредных условиях труда, а также тяжелым физическим трудом.

Таким образом, имеются специфические отличия инвалидности у мужчин и женщин. И в течение небольшого промежутка времени эти показатели существенно изменились не в лучшую сторону для женщин. Возможно, такие половые различия объясняются более «рисковым» образом жизни мужчин, более продолжительной жизнью женщин, способствующей накоплению женщин в более старших возрастах.

А.П. Парамонов
ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В ВОИНСКИХ
КОЛЛЕКТИВАХ

ПАРАМОНОВ Александр Павлович – аспирант кафедры социологии управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: app-rags@mail.ru

Воинские коллективы входят в состав системы национальной безопасности Российской Федерации. Качественное, ответственное и творческое выполнение членами воинских коллективов своих служебных обязанностей, особенно в процессе решения острых государственных проблем, является весомым фактором поддержания позитивных настроений в обществе и чувства защищенности у граждан, оказывающих положительное влияние на повышение авторитета государственной власти, уровня общественной безопасности, социальной стабильности и т.д.

Учитывая, что человеческое сообщество значительно изменилось за последние десятилетия в связи с процессами глобализации и становлением информационного общества, современная личность, обладающая соответствующими знаниями и волевыми качествами, вполне может сравнительно быстро из субъекта управления перейти в категорию равноправного социального партнера. В основе такого преобразования лежит реализация творческого подхода, который предполагает наличие таких качеств личности как гражданственность, социальная ответственность, способность стратегически мыслить, инициативность [1, с. 137-138]. Поэтому важным становится наличие образцов поведения, включающих творческие, инициативные подходы в интересах обеспечения национальной безопасности государства.

Социальная среда воинских коллективов имеет ряд существенных преимуществ, заключающихся в строгом соблюдении субординации, скорости принятия решений, точности их исполнения и т.д. Однако исследователи отмечают, что формальная структура традиционной военной организации оставляет без внимания значительную часть социальных отношений и позволяет военнослужащим выполнять служебные обязанности в большом диапазоне допустимых значений [2, с. 57]. Этим обусловлен потенциал социальных возможностей воинского коллектива, который формирует свою организационную культуру, характер внутренних и внешних отношений, задает образцы взаимодействия, как для руководителей, так и для рядовых членов воинского коллектива.

Рациональное использование скрытых социальных возможностей военнослужащих связано с повышением эффективности управления в воинских коллективах за счет активизации дополнительных резервов. Согласно современным научным взглядам, наличие власти в социальных системах связано с регулярными отношениями автономии и зависимости между индивидуальными действующими субъектами и коллективами в рамках социальных взаимодействий, при этом существуют некоторые ресурсы, посредством которых подчиненные могут влиять на действия «подчиняющихся» [3, с. 57-58].

Учитывая, что ресурсы, по мнению Э. Гидденса, имеют двойственный характер и представляют собой как структуральные свойства социальных систем, возникающие и воспроизводимые в ходе социального взаимодействия, так и средства, с помощью которых осуществляются властные полномочия в процессе социального воспроизводства, социальный потенциал воинского коллектива формулируется как интегральный показатель

актуализации его структуральных свойств, формирующихся и воспроизводимых в ходе социальных взаимодействий военнослужащих в процессе профессиональной деятельности.

Структуральные свойства детерминированы ресурсами, в том числе и управленческого характера, среди которых ключевое значение принадлежит социальным резервам. Под социальными резервами понимается совокупность имеющихся у военнослужащих, но не реализованных в данное время возможностей социально-профессионального участия (способностей, квалификации, компетентности, организационной культуры, каналов и механизмов передачи и интерпретации информации и т.д.), а также создание в воинском коллективе благоприятных условий и применения адекватных механизмов, необходимых для их активизации и воспроизводства.

В целях оценки востребованности использования социальных резервов и определения перспективных направлений их активизации в 2011 году проведено социологическое исследование методом экспертного опроса руководителей в ряде воинских коллективов, принимавших участие в боевых действиях. Полученные результаты подтвердили важность проводимых научных исследований: подавляющее большинство экспертов (92,1%) в той или иной степени отметили актуальность использования социальных резервов в целях повышения эффективности управления в воинских коллективах [4].

При определении стратегии организационного развития в воинских коллективах важно учесть наличие социальных резервов. Формирование механизма использования социальных резервов связано с адаптацией достижений теории и практики современной науки к особенностям условий социальной среды воинских коллективов. Повышение эффективности управления достигается в результате реализации комплекса мер, направленных на развитие у всех членов воинского коллектива дисциплинированности, ответственности, инициативности, творческого подхода к выполнению поставленных перед ними задач.

Это подтверждаются данными социологического опроса. Так, например, 70% экспертов считают, что создание в воинском коллективе благоприятных условий для развития у военнослужащих чувства ответственности, инициативности, непрерывного стремления к самосовершенствованию имеет определяющее влияние на перспективы карьерного роста. 62,5% экспертов полагают, что повышение уровня профессиональной подготовки военнослужащих определяющим образом влияет на их готовность к принятию адекватных самостоятельных решений [4].

Необходимо отметить, что управление социальными резервами в процессе боевой подготовки военнослужащих является дополнительным ресурсом в обеспечении профессионального становления членов воинского коллектива в рамках ведомственной системы профессионального обучения [5, с. 24]. Большинство экспертов (63,2%) подтвердили наши выводы, отметив определяющее влияние состояния профессиональной подготовки подчиненных на их способность принимать самостоятельные решения. Анализ влияния воинского коллектива на принятие управленческих решений руководителями показал, что такое влияние присутствует, но оно существенно затруднено административными барьерами. Учитывая, что часть экспертов (26,3%) отметили наличие непосредственного влияния воинского коллектива на принятие руководителями управленческих решений, можно говорить о целесообразности рационального использования данного ресурса. При этом у незначительной части опрошенных экспертов

данный вопрос вызвал некоторые затруднения, что свидетельствует о необходимости расширения профессионального кругозора руководителей в воинских коллективах [4].

Таким образом, результаты проведенных исследований с использованием экспертного опроса подтвердили положительное влияние рационального использования социальных резервов на повышение качества выполнения военными служащими возложенных на них обязанностей. Рассмотренные пути активизации социальных резервов в воинском коллективе, связанные с использованием скрытых возможностей его членов, способны оказать положительное влияние на укрепление боевой готовности и повышение уровня профессиональной подготовки военнослужащих.

Механизмы активизации социальных резервов связаны с реализацией системного подхода в социальном управлении и достижением максимальной отдачи от их использования. Успешность управления социальными резервами в воинском коллективе может быть достигнута на основе их одновременного использования в условиях взаимного доверия и понимания важности организационного развития как руководителями, так и рядовыми членами воинского коллектива.

Литература:

- 1 Василенко В.И., Василенко Л.А. Рухтин М.А., Чернов Е. А. Трансформационные процессы в системе допуска к государственной тайне России / Под ред. проф. д.э.н. А.А. Прохожева. — М.: Издательство Проспект, 2010.
- 2 Григорьев А.А. Социальный порядок и военная организация // Социология власти. 2004, № 4.
- 3 Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический Проект, 2005.
- 4 Экспертный опрос «Социальные резервы повышения эффективности управления в воинских коллективах». Научный руководитель Парамонов А.П. Опрошено 40 экспертов — руководителей в воинских коллективах. Выборка сплошная. 2011 г.
- 5 Дробот И.С. Устойчивость профессионального становления офицерских кадров // Государственная служба. 2011, № 5.

М.В. Рыбакова, М.Ю. Щукина, С.О. Гоманова ЭКОПОСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

РЫБАКОВА Марина Владимировна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой государственной политики в сфере природопользования и охраны окружающей среды РХТУ имени Д.И. Менделеева. E-mail: rybakovamv2005@yandex.ru

ЩУКИНА Маргарита Юрьевна — аспирантка кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: aqmargo@rambler.ru

ГОМАНОВА Сильвия Олеговна — студентка кафедры социологии РХТУ имени Д.И. Менделеева. E-mail: silvia_gomanova@mail.ru

Разрушение и изменение окружающей природной среды, духовный кризис и отсутствие жизненных ориентиров, оказывает негативное воздействие на физическое и психическое здоровье человека, на его повседневную социальную, экономическую и политическую жизнь. Неблагоприятное изменение окружающей природной среды во многом обусловлено ценностями потребительского общества, недостаточным распространением экологической культуры, интегрированных экологических знаний.

В ответ на увеличивающиеся экологические вызовы и риски происходит конструирование и создание новой социоприродной реальности, в которое вовлекается все больше людей с разных уголков мира. Они меняют свой привычный образ жизни и переезжают в экопоселения. Создание экопоселений является своеобразной реакцией общества на социально-экономический и духовный кризис.

Экологические поселения являются социальной экологической практикой, составляющей новый образ жизни человека с целью улучшения качества окружающей среды, установлением гармоничных отношений с природой и социальным окружением.

Первые альтернативные поселения в России появились в рамках масштабного экологического движения уже в 80 — 90-е гг. Сегодня во всем мире с каждым годом создается все больше и больше экопоселений. На начало 2013 г. зарегистрировано 633 экопоселения (по данным материалов сайта Global Ecovillage Network [5]), из них 14 находятся на территории России, но это лишь небольшая часть реально существующих экопоселений на территории России. Общее количество зимующих в экопоселениях на территории России на сегодняшний день — 1424 человека (643 семьи) и еще 5487 человек (3392 семьи), которые находятся на этапе создания своего экопоселения [2].

Увеличение количества создаваемых экопоселений можно объяснить распространением экологического мировоззрения, развитием экологических практик [3], включающих инновационные технологии, а также изменение окружающего социокультурного пространства на принципах устойчивого развития территорий.

С возникновением экопоселений как постиндустриального и постсельскохозяйственного феномена, развивающегося как мировой тренд, появилась необходимость его изучения. В процессе исследований экопоселений наибольшую сложность представляет территориальный аспект: труднодоступность и удаленность, но, несмотря на это, они необходимы и могут способствовать институционализации экопоселений.

Особый вклад в исследование экопоселений внес Роберт Гилман [1], который определил цели и причины их возникновения, сформулировал их основные черты, а также

выделил ряд проблем: проблема биосистемы, строительной среды, экономической системы, управления, объединяющих ценностей, целостной системы.

Изучение экопоселений в России как социальной экологической практики в интересах устойчивого развития общества¹ показало, что поселениям «Славное», «Гармония», «Миродолье» присущи характерные черты [4, с.320] экопоселений с принципами устойчивого развития, которые находят свое отражение в их экологических, социальных и экономических практиках. В результате исследования были выделены следующие черты:

- формирование экологического мышления и распространение экологического образа жизни;
- устойчивое развитие территории общего проживания;
- сохранение и восстановление природных ресурсов;
- создание самовосстанавливающейся экосистемы;
- ведение органического земледелия;
- восстановление плодородного слоя почвы;
- вегетарианское питание;
- практики сохранения и восстановления здоровья;
- внедрение безопасных для окружающей среды технологий энергоснабжения, отопления и переработки отходов жизнедеятельности;
- использование экологически чистых материалов при строительстве и другие.

В экопоселении управление сообществом осуществляется высшим органом демократического принятия решений по принципу самоуправления и представлено общим собранием жителей.

Исследование проблем социализации в экопоселениях показало², что с переездом в экопоселение происходит переосмысление культуры внутрисемейных отношений и отношения к детям. Родители считают, что социально-экологическая среда экопоселений включает дружеские открытые взаимодействия между всеми жителями поселения и является наиболее благоприятной для формирования всесторонне развитой личности.

Жизнь в экопоселении способствует возможности уделять больше времени своим детям, их воспитанию и обучению. Существует совместная коллективная деятельность, как на уровне всего поселения, так и внутри каждой семьи (деятельность в подсобном хозяйстве, трапезы, просмотры познавательных фильмов, взаимопомощь и социальная солидарность). Важным условием успешной социализации является активное участие детей в жизни экопоселения, что способствует формированию и повышению их личной ответственности по отношению к себе, окружающим и природной среде. В поселениях формируется особая образовательная среда, включающая следующие условия: дружественные отношения взрослых, которые имеют одно или несколько высших образований, и детей, творческие мастерские, кружки, благоприятное информационное

¹ Прим. авт.- эмпирическую базу исследования составили данные экспертного интервью, интернет-опроса «Отношение к экопоселениям», полуструктурированного интервью с жителями экопоселений «Славное», «Гармония», «Миродолье» Центрального региона России (2010-2011 гг.).

² Прим. авт.- эмпирическую базу пилотажного исследования составили данные полуструктурированного интервью с жителями экопоселений «Староселье» и «Милёнки» Центрального региона России (2012-2013 гг.).

пространство, возможность непрерывного обучения. Творческая и духовная реализация осуществляется в разнообразии форм социально-культурной деятельности, где зарождаются новые традиции и праздники, в которую активно вовлечены дети.

Вместе с тем, в экопоселениях существует ряд сложностей, связанных с воспитанием и образованием детей: во многих поселениях государственные школы удалены и родителям, кооперируясь, приходится возить детей, основной формой образования является семейное (домашнее) обучение; нет единого подхода к пониманию процесса первичной социализации. Решение этой проблемы во многом определяет перспективу развития экопоселений в России.

В целом, исследование российских экопоселений выявило следующие актуальные проблемы развития, требующие решения на разных уровнях:

- проблема экосистемы, состоящая в необходимости сохранения окружающей среды путем использования только органического земледелия, альтернативной энергетики и экологически чистых материалов в строительстве;
- проблема экономической системы, связанная с необходимостью получения заработка из-за невозможности полного самообеспечения в настоящее время;
- проблема самоуправления и взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления;
- проблема солидарности и адаптации к новой социоприродной среде;
- проблема ресоциализации взрослых и социализации детей, связанная с воспитанием и обучением.

Литература:

- 1 Гилман Р. Экодеревни и устойчивые поселения. URL: http://www.rodniki.bel.ru/poselenie/pos_gilman.htm (дата обращения 30.01.2013).
- 2 Поселения.ру. Родовые поместья, родовые поселения, экопоселения. URL: <http://www.poselenia.ru/worldblock> (дата обращения 30.01.2013).
- 3 Рыбакова М.В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления. — М.: КДУ, 2012. — 288с.
- 4 Рыбакова М.В., Щукина М.Ю. Экопоселения как социальная экологическая практика общества // Социально-гуманитарные знания, 2012, №4, с. 316-324.
- 5 Global Ecovillage Network. URL: <http://www.ecovillage.org/php/public/evdir/evsearchlist.php> (дата обращения 30.01.2013).

И.А. Савченко
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В
МОСКВЕ

Савченко Ирина Алексеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и практики управления Московского городского психолого-педагогического университета. E-mail: arin76@mail.ru

Социальная безопасность является одной из важнейших составляющих социального самочувствия общества и личности. В ходе опроса, проведенного в мае-июне 2012 года среди жителей г. Москвы, были выявлены некоторые проблемы в сфере обеспечения социальной безопасности, которые, по мнению москвичей, нуждаются в скорейшем решении.

Оценивая в целом ситуации в городе жители Москвы заявили следующее: более 40% респондентов считают что в данный момент ситуация в Москве кризисная. 34% опрошенных считают что ситуация благополучная, а 9% полагают что ситуация катастрофическая. Значительная часть опрошенных — 12%, не смогла дать четкого определения ситуации в городе.

Многие по-прежнему негативно настроены к мигрантам и приезжим, и считают, что наиболее острые противоречия в обществе существуют между людьми разных национальностей (23%) и между местными жителями и приезжими из других стран и городов (15%). Острые противоречия между людьми разных вероисповеданий (13%) также являются наиболее значимыми для нашего общества.

На вопрос: *В какой обстановке Вы больше всего испытываете чувство страха, тревоги?* более 30% респондентов дали ответ — во время массовых мероприятий (демонстраций, гуляний, спортивных соревнований, концертов и т.п.). Обеспечение безопасности в этой области является наиболее значимым для нашего общества. Вдобавок 9% испытывают чувство страха, находясь на улице. В связи с этим, мэр города Москвы Собянин С.С. заявил, что с 1 марта 2012 года будет внедряться новая система видеонаблюдения, соответствующая мировым стандартам. Тревожным является тот факт, что граждане боятся посещать государственные учреждения (милиция, суд, административные органы) (13%).

По-прежнему чувство страха у граждан вызывают поездки на транспорте (автомобиль, поезд) (12%). В сравнительной безопасности люди чувствуют себя дома (1%), на работе (1%), в образовательных учреждениях (1%) и во сне (1%).

Для определения уровня доверия был задан вопрос: *Каким государственным и общественным институтам Вы в целом доверяете?*

На первом месте по уровню доверия находятся:

- 1 Федеральная служба безопасности (ФСБ) — 29%;
- 2 Церковь — 16%.

Далее идет группа институтов с примерно равным уровнем доверия граждан: Президент России (8%); СМИ (7%); Вооруженным силам РФ (7%).

Совету Федерации, судебной системе и Государственной Думе России в равной степени доверяет 15% опрошенных.

Полиции (органам внутренних дел), мэру Москвы, профсоюзам и правительству России доверяют лишь 16% респондентов в равной степени.

Из всех опрошенных граждан политическим партиям не доверяет никто.

Для понимания уровня осведомленности населения о мерах по обеспечению безопасности населения был задан следующий вопрос: Вы лично знаете или слышали о том, какие меры предпринимаются властями, чтобы повысить уровень социальной безопасности москвичей?

Большинство москвичей слышали о планах властей, но что конкретно сделано, им неизвестно (46%). К сожалению, многие ничего не знают и не слышали о действии властей в этом направлении (34%). 11% действительно знают о том, что делает государство в этом направлении. И 8% затрудняются ответить на этот вопрос.

После этого респондентам был предложен следующий вопрос: Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать в первую очередь, чтобы повысить уровень безопасности в Москве?

Здесь мнения москвичей разделились примерно в равных долях:

- 25% полагают, что нужно усилить контроль за мигрантами;
- 18% предлагают отменить мораторий на смертную казнь;
- 17% предлагают усилить меры по борьбе с коррупцией;
- 12% предлагают ужесточить наказание за преступления против личности;
- 10% считают, что необходимо проводить бесплатные занятия по самообороне для всех желающих;
- 9% полагают, что повышение заработной платы работникам правоохранительных органов приведет к повышению уровня безопасности.

На вопрос «Что, на Ваш взгляд, мешает государственным органам (службам) обеспечивать социальную безопасность на должном уровне?» были получены следующие ответы.

Подавляющее большинство (41%) считает, что недостаточное финансирование, коррумпированность госслужащих, недостаток профессионализма и плохая техническая оснащенность в равной мере мешает государственным органам обеспечивать безопасность на должном уровне.

24% полагают, что только коррумпированность служащих является негативным фактором в обеспечении безопасности. На вопрос: *Что, на Ваш взгляд, мешает государственным органам (службам) обеспечивать социальную безопасность на должном уровне?*— были получены следующие ответы.

Подавляющее большинство (41%) считает, что недостаточное финансирование, коррумпированность госслужащих, недостаток профессионализма и плохая техническая оснащенность в равной мере мешает государственным органам обеспечивать безопасность на должном уровне.

24% полагают, что только коррумпированность служащих является негативным фактором в обеспечении безопасности.

Население города полагает, что более тесное сотрудничество органов правопорядка с гражданами и общественными организациями позволит повысить уровень безопасности в Москве (более 60%).

Согласие на ужесточение мер по обеспечению безопасности граждан было одобрено 44% респондентов. Однако 32% граждан считают, что к жестким мерам следует прибегать только в крайних случаях, и 14% убеждены что права и свобода человека превыше всего.

Для определения степени готовности москвичей к содействию государственным органам в области обеспечения безопасности был задан следующий вопрос: *Готовы ли Вы лично оказывать содействие государственным органам в обеспечении безопасности вашего города (района)?*

Большинство респондентов (39%) ответили, что они готовы оказывать помощь, многие (21%) готовы оказывать содействие, но только за вознаграждение, 15% не готовы к этому, 13% ответили «скорее нет».

Это доказывает, что большая часть опрошенных готово к диалогу с государством, и готово помогать ему в обеспечении безопасности.

Таким образом, подводя итог исследования, можно сделать следующие выводы:

- 1 В настоящее время проблема обеспечения безопасности граждан приобретает все более значимый характер.
- 2 Пессимистичная настроенность граждан и недостаточность информированности о деятельности государства в области обеспечения безопасности приводит к увеличению степени напряженности в обществе.
- 3 Коррупционированность государственных служб является одной из главных проблем нашего государства и является одним из факторов подрыва доверия к правоохранительным службам и всему государственному аппарату в целом.
- 4 Терроризм в контексте угрозы городу уходит на второй план, но остается одной из главных угроз для личной безопасности граждан.
- 5 Не контролируемая миграция граждан из Ближнего и Дальнего Зарубежья является основной проблемой нашего общества, вследствие этого экстремистская настроенность нашего общества значительно возрастает.
- 6 Доверие жителей Москвы Федеральной службе безопасности неслучайно, именно в ней многие видят сегодня действенный инструмент защиты от неправомерных действий должностных лиц всех уровней власти, от организованной преступности, от проявлений экстремизма и насилия, прочих угроз личной и общественной безопасности.
- 7 Церковь по-прежнему занимает одно из ведущих мест в жизни нашего общества.
- 8 Общество требует большей открытости и прозрачности государственного аппарата, большего участия в его функционировании.

О.И. Щербакова

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ОТ ОСОЗНАНИЯ ИХ КОНТЕКСТОВ К ФОРМИРОВАНИЮ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

ЩЕРБАКОВА Ольга Ивановна — доктор психологических наук, профессор кафедры Управленческой и экономической психологии РЭУ им. Г.В.Плеханова. E-mail: olga716@rambler.ru

Современные исследования в области естественных и социальных наук позволяют сделать вывод о том, что усложнение социальных структур относится к мировым доминирующим тенденциям, подчеркивается, что общество становится обществом риска — все это свидетельствует о нарастании социальных угроз: терроризма, нарастающей социальной поляризации, отсутствия культуры во власти, дрейф ценностей и т.п.

Важными проблемами будущего становится поиск эффективных способов противостояния этим угрозам, выявление мегарисков, связанных с этими угрозами и управление ими.

Управлять любыми рисками и кризисами, профессионально направлять выход из кризиса в социально-конструктивное русло — задача, требующая научного решения и специальной подготовки управленческих кадров.

Современная социальная реальность характеризуется стремительным повышением сложности и динамичности общественных, социо-психологических отношений. Все это определяет необходимость в применении для подготовки специалистов активных методов обучения, дающего знания и развивающего способности субъектов управления к эффективным действиям в ситуациях неожиданности, неопределенности, дефицита времени.

В стремительно изменяющемся мире подавляющее большинство людей, в том числе и руководителей, не успевают осмыслить причины и существо этих изменений в течение жизни одного поколения. Центральной задачей образования во время постиндустриальной революции является расширение адаптивных возможностей человека. Необходимо при этом использовать определенные технологии обучения.

Одной из таких прорывных идей в образовании является теория контекстного подхода, развиваемая в рамках научной школы А.А.Вербицкого. [1]

Особую значимость идея о контекстном подходе играет при рассмотрении межличностных конфликтов.

Выделены различные виды контекстов, особенности их проявления и функционирования, влияния на процессы обучения и воспитания на разных уровнях системы непрерывного образования: [3]

Кросскультурный контекст конфликта — совокупность факторов, включающих этнокультурные особенности конфликтующих и конфликтной ситуации. Исследователи выявляют принципиальные различия в культуре этносов, проявляющиеся в их поведение в конфликтной ситуации. Так, М. Мид полагает, что необходимо различать среди культур три типа: сотрудничающие, соперничающие и индивидуалистические, предпочитающие различные подходы к разрешению конфликтов. Антрополог Э. Холл сравнивает высококонтекстуальную и низкоконтекстуальную культуры в зависимости от их отношения к контексту.

Пространственно-временной контекст конфликта составляют его временная протяженность и местонахождение/расположение в пространстве. По характеру среды протекания различаются конфликты организационные, производственные, семейно-бытовые, конфликты в условиях изоляции, в условиях образовательных учреждений и др., каждый со своей спецификой. Пространственное расположение субъектов общения по отношению друг к другу как фактор, стимулирующий или снижающий конфликтность ситуации, исследуют специалисты в области проксемики. В разрешении конфликтов важную роль играют пространственные границы мировосприятия самого человека — чем они шире, тем реже он испытывает стресс и менее склонен к конфликтам.

Временными характеристиками конфликта являются его длительность, время развертывания, повторяемость, протяженность отдельных стадий, продолжительность участия в нем разных оппонентов, длительность разрешения, продолжительность постконфликтной ситуации.

Внутриличностный контекст — совокупность присущих личности индивидуальных особенностей, обуславливающих характер протекания конфликта. В качестве внутриличностных факторов, проявляющихся в конфликте, выступают: отдельные черты личности. — агрессивность, психическая неустойчивость, высокий уровень эмоциональной возбудимости, интолерантность, их уровневые проявления и др.; типы личности, характеризующиеся определенной совокупностью черт; иррациональные мысли/установки; негативный образ другого/ситуации в сознании конфликтующих, играющий роль самореализующихся пророчеств и др.

Возрастной контекст конфликта — совокупность возрастных особенностей субъектов специфическим образом проявляющихся и влияющих на их поведение в ситуации конфликтного взаимодействия. Выделяются: кризисы возрастного развития, сопровождающиеся внутриличностными конфликтами, и межпоколенные кризисы, выражающиеся в межличностных конфликтах. Получены эмпирические доказательства возрастной предрасположенности человека к «проблемности» в тех или иных аспектах взаимодействия с окружающими.

Гендерно-половой контекст конфликта — совокупность гендерных и связанных с биологическим полом психологических различий субъектов конфликта, влияющих на характер их взаимодействия, а также специфическим образом обуславливающих смысл и значение их действий.

В конфликтной ситуации мужчины и женщины прибегают к различным тактикам и стилям поведения, вкладывают в них различный смысл. Все это необходимо учитывать в управлении конфликтами.

Коммуникативный контекст в конфликте — совокупность вербальных и невербальных средств общения и их проявлений в конфликтном взаимодействии. Конфликты нередко обуславливаются негативными факторами, возникающими в процессе передачи и обмена информацией между субъектами общения. К этим факторам в первую очередь относятся коммуникативные барьеры, включающие, например, ошибки восприятия, логические ошибки, стилистические ошибки, статусные ошибки, семантические ошибки и др. Исследователями рассматриваются также следующие коммуникативные феномены, имеющие отношения к конфликтам: коммуникативная компетентность, слова-конфликтогены, ассертивная и агрессивная коммуникация, «я-послания», стиль общения взаимодействующих субъектов и др.

При рассмотрении *ценностно-смыслового* контекста конфликтного поведения отмечается, что используемая человеком стратегия поведения в конфликте имеет для него определенный смысл, в результате чего люди, имеющие разные системы ценностей, используют разные стратегии поведения в конфликте.

Совет Европы определил пять ключевых компетенций, которыми в совершенстве должны владеть специалисты для успешного функционирования в социуме.

Первое место в этой классификации отводится *социальной компетенции*, как способности быть ответственным, участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержании и улучшении демократических институтов (симпозиум Совета Европы от 27-30 марта 1996 г.).

Выделение в структуре социальной компетентности способности *разрешать конфликты ненасильственно* свидетельствует о ее важности и необходимости целенаправленного развития. Именно в ситуации конфликта, проблемного взаимодействия, проявляется внутренняя сущность личности, когда возникающее нервное напряжение снимает маску поверхностного общения.

В этой связи актуальной на наш взгляд становится идея психологической/конфликтологической культуры личности.

«Конфликтологическая культура личности специалиста — это интегративное качество, включающее культуру мышления, культуру чувств, коммуникативную и поведенческую культуру, основывающееся на гуманистических ценностях ответственности, свободы, личностной автономии и самореализации и проявляющееся в оптимальных, соответствующих контексту стилях поведения в конфликте, обеспечивающих конструктивное решение проблем межличностного взаимодействия и профессиональную самореализацию».[1]

Для определения конфликтологической культуры личности нами была создана тестовая методика. Данная методика содержит 12 пар полярных суждений, отражающих различные компоненты конфликтологической культуры личности. Представленные в ней суждения касаются поведения человека, саморегуляции эмоционального состояния, понимания состояния и переживаний оппонента, стремления к позитивным отношениям, коммуникативной саморегуляции и др.[1]

Диагностика конфликтологической культуры, особенно глубинного ее уровня, который включает скрытые убеждения, неосознаваемые установки людей, отражающие отношение к миру в целом, к человеку и к работе очень важен для изучения, так как оказывает большое влияние на их реальное поведение. Контекстный подход в обучении помогает более качественно сформировать конфликтологическую культуру.

Формирование конфликтологической культуры личности и эффективное управление конфликтами предполагает учет многообразия всех контекстов его протекания в условиях сегодняшней социальной неопределенности, риска утраты управляемости и многих других социальных проблем в обществе.

Литература:

- 1 Вербицкий А.А., Щербакова О.И. Конфликтологическая культура личности. Формирование в контекстной образовательной среде (монография).- Saarbrücken. Deutschland: Palmarium Academic Publishing, 2012.- 437 с.
- 2 Тоффлер Э. Шок будущего. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 404-430.

- 3 Щербакова О.И. Контексты в конфликтологии (монография). — М.:МГГУ им. М. А.Шолохова, 2006.- 80 с.

Н.П. Щукина
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММ
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ЩУКИНА Нина Петровна. — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета. E-mail: nina_shukina@mail.ru

В условиях становления новой социальной политики, усиления конкуренции на этом поле разного рода субъектов, возрастает роль НКО в предоставлении населению социальных услуг, в решении ключевых социальных проблем в целом. Значимая роль в этом процессе отводится религиозным организациям, что находит свое отражение в практиках финансирования деятельности этих НКО. Данная тема — предмет дискуссий, ведомых на разных уровнях. Самарская область — не исключение из правил. В ситуации регионализации социальной политики сфокусируем свое внимание в рамках данного текста на названном выше — типичном для страны — регионе. С трибун публичных слушаний по бюджету данного региона на протяжении последних трех лет идут дискуссии по обозначенной выше тематике. Действительно, насколько эффективно израсходованы в 2011 г. бюджетные средства, предоставленные религиозным организациям региона в объеме 232 млн руб., насколько эффективно распределены бюджетные средства среди этих организаций в 2012-2014 гг. в объемах соответственно 120 — 130-130 млн руб.?

Сегодня в соответствии с утвержденным в социальной политике программным форматом решения ключевых социальных проблем вносятся определенные изменения и в нормативные основания финансирования религиозных организаций. Так, до недавнего времени осуществлялась поддержка *«культурно-просветительской деятельности религиозных организаций»* [5]. Сегодня фактически расширены направления этого финансирования. Речь идет о том, что финансированию подлежат и **общественно значимые культурно-просветительские программы религиозных организаций**, а также, как и прежде, иная *культурно-просветительская деятельность*. Более того, такое право распространяется и на *«мероприятия по реставрации, реконструкции и (или) строительству культовых зданий и (или) зданий для размещения образовательных учреждений, созданных религиозными организациями»* [6]. Примечателен тот факт, что в «Порядке определения объема и предоставления субсидий религиозным организациям на проведение мероприятий, обеспечивающих осуществление культурно-просветительской деятельности», разработанном на основе Постановления регионального Правительства от 19.03.2009 г. № 120 и посвященного поддержке культурно-просветительской деятельности религиозных организаций, происходит расширение положения о финансировании этой деятельности до осуществления культурно-просветительских программ, а также реставрации, реконструкции и (или) строительства культовых зданий и (или) зданий для размещения образовательных учреждений, созданных религиозными организациями.

В силу сказанного возникает ряд вопросов, требующих, на наш взгляд, обсуждения в разных контекстах: нормативном, агентном, территориальном, исследовательском и т.п. Действительно, документ, на который постоянно ссылается региональное министерство экономического развития, инвестиций и торговли (далее — МЭРИТ), осуществляющее финансирование религиозных организаций, — это, прежде всего, Постановление

регионального Правительства от 19.03.2009 №120 «Об установлении отдельного расходного обязательства Самарской области в сфере оказания содействия и поддержки осуществления религиозными организациями культурно-просветительской деятельности». Авторы данного документа, в свою очередь, обосновывают законность своего текста ссылкой на ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Однако, согласно статье 4 данного закона (п.3) *«государство... оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством РФ»* [3].

В этой связи возникает вопрос: Насколько уместна ссылка авторов названного выше постановления на данный ФЗ, ведь в ФЗ не прописано право государства финансировать социально значимые *«культурно-просветительские программы», тем более «мероприятия по реставрации, реконструкции и (или) строительству культовых зданий и (или) зданий для размещения образовательных учреждений, созданных религиозными организациями»,* о котором и ведут речь региональные структуры?

Иными словами, в региональных документах имеет место, в частности, фактическое отождествление понятий *«здания, являющиеся памятниками истории и культуры»* и *«культовые здания»*. Но что такое культовые здания? Памятники истории и культуры, реставрация которых за счет бюджетных средств законна, — это *«объекты... ,возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»* [4]. Культовые же здания и сооружения — это объекты, *«специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества)предназначенные для выполнения ритуалов различных религиозных культов»* [3, ст.16]». Иначе говоря, светское государство финансирует выполнение ритуалов различных религиозных культов [1, ст.14]?

Появление новой дефиниции — *общественно значимые культурно-просветительские программы религиозных организаций* — в нормативных основаниях финансирования этих организаций — также предмет дискуссии на публичных слушаниях последних лет по региональному бюджету. Действительно, как оценить эффективность расходования бюджетных средств, направленных на поддержку религиозных организаций в ситуации имеющих место фактически некорректного использования МЭРИТ ряда дефиниций? Наиболее ярко такое положение дел обнаружило себя на итоговых публичных слушаниях по бюджету региональных министерств в 2012 г. (13.12.2012 г.) [2]. На вопросы общественных экспертов, адресованные МЭРИТ, назвать общественно значимые программы, реализуемые религиозными организациями; сайты, на которых размещается информация о них, ответа фактически не последовало. При этом мероприятия религиозных организаций отождествляются региональным МЭРИТ с социально значимыми программами [2].

Резюмируя сказанное выше, подчеркнем, что поставленные в данном тексте вопросы — не из праздных. Законы, тем паче федеральные, подлежат выполнению, как и понятия, получающие развитие в практиках анализируемых организаций, должны быть определены и одинаково трактоваться взаимодействующими на поле публичных слушаний

субъектами. Иначе говоря, необходима нормативизация практик не только государственного программирования, но и программирования в деятельности других субъектов социальной политики, тем более в условиях развития их конкуренции на данном поле. Практики религиозных организаций, финансируемые из бюджетных средств, должны быть прозрачными, информация о них должна быть доступной и гражданским активистам, и широкой общественности в целом. Отсюда обеспечение участие религиозных организаций в публичных слушаниях по региональному бюджету — не долг гражданских активистов [2]. Общественный диалог, к которому сегодня взывают нас разного рода официальные тексты — не улица с односторонним движением, и не противостояние общественных экспертов и ГРБС. Тем не менее, наблюдаемые нами практики взаимодействия этих ГРБС и общественности на поле публичных слушаний периода 2010-2012 гг. проблематизируют как язык общения, тематику, выносимую на эти слушания, так и эффективность как финансирования религиозных организаций, так и функционирования института публичных слушаний в обозначенном нами контексте.

Литература:

- 1 Конституции РФ// <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
- 2 Материалы итоговых публичных слушаний по региональному бюджету, 13.12.2012 г.
- 3 О свободе совести и о религиозных объединениях. ФЗ // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=115879>
- 4 Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ. ФЗ// <http://base.garant.ru/12127232/1/#100>
- 5 Постановление Правительства Самарской области от 19.03.2009 №120 «Об установлении отдельного расходного обязательства Самарской области в сфере оказания содействия и поддержки осуществления религиозными организациями культурно-просветительской деятельности».
- 6 Распоряжение Правительства Самарской области от 2.02.2011 26-р, «Об утверждении перечня религиозных организаций, получающих субсидий за счет областного бюджета на проведение обеспечивающих религиозными организациями общественно значимых культурно-просветительных программ и иной культурно-просветительной деятельности, мероприятий по реставрации, реконструкции и (или) строительству культовых зданий и (или) зданий для размещения образовательных учреждений, созданных религиозными организациями».